В. Г. Белинский

Полное собрание сочинений

Том 6

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82
ББК 83
Б43

Белинский В.Г.
Б43 Полное собрание сочинений: Том 6 / В. Г. Белинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 798 с.

ISBN 978-5-518-16225-9

Статьи и рецензии 1842—1843 годов («Стихотворения Ап. Майкова», « Педант. Литературный тип», «Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца», «Стихотворения А. Полежаева», «Похождения Чичикова, или Мертвые души», «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души"», «Общеезначение слова литература», «Общий взгляд на народную поэзию», «Речь о критике», «Сочинения Державина», «Сочинения Гоголя», «Русская литература в 1842 году» и др.).

ISBN 978-5-518-16225-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

СТАТЬИ
И
РЕЦЕНЗИИ

1842

1. СТИХОТВОРЕНИЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА [1]

Санкт-Петербург. 1841[2]

Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния,— как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду... Заменит ли оно то, утрата чего была для вас утратою как будто части вашего бытия, вашего сердца, вашего счастия:[3] это другой вопрос,— и только будущее может решить его: настоящее может лишь гадать о том на основании уже данного факта. И такой именно факт дает нам изящно напечатанная книга, заглавие которой стоит в начале этой статьи. Отстраняя все гадания, которые могут быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени решение вопроса о степени поэтического таланта г. Майкова,— мы скажем пока только, что многие из его стихотворений обличают дарование неподдельное, замечательное и *нечто* обещающее в будущем. Говоря так, мы думаем, что много сказали в пользу молодого поэта: можно быть человеком с дарованием и не обещать развития; только сильные дарования в первых произведениях своих дают залог будущего развития... Явление подобного таланта особенно отрадно теперь, в эту печальную эпоху литературы, осиротелой и покрытой трауром,— теперь, когда лишь изредка слышится свежий голос искреннего чувства, более или менее звучный отголосок внутренней думы; теперь, когда в опустевшем храме искусства, вместо важных и торжественных жертвоприношений жрецов, видны одни гримасы штукмейстеров, потешающих тупую чернь; вместо гимнов и молитв, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличные клятвы торгашей и спекулянтов...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрелость, уже свершила несколько фазов развития, уже дала не один факт для опытности ума мыслящего и наблюдательного. Из числа ее великих действователей нет почти ни одного, свободно и до конца развившего свои творческие силы... Но сколько было у нас талантов, так много обещавших и так мало выполнивших, так великими казавшихся еще недавно и так незначительных теперь!.. И всё то благо, всё добро![1] Благодаря этому обстоятельству теперь только разве низшие слои публики, полуграмотная чернь, может принимать за поэзию дикие, изысканные и вычурные фразы и приходить в неистовый восторг от тривиального сравнения голубых глаз с небом, а черных — с адом... Точно также теперь только разве необразованная, невоспитанная посредственность решится «призывать вдохновение на *высь чела*, венчанного звездой»,[2] выдумать «грудь, которая высоко взметалась беспредметною любовью»,[3] или отпускать другие подобные стихотворные вычуры. А прежде — и еще очень недавно, всё это могло и даже должно было нравиться всем, за исключением только немногих избранных поклонников искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову,[4] Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу к благородной простоте и навсегда избавили нашу публику от наклонности к изысканной дичи в мыслях и выражении!.. Их образ действования и усилия для этой цели были совершенно обратные и отрицательные; но зато результаты вышли теперь и прямые и положительные. В этом случае нам мало нужды даже до намерений и мотивов: результат всё выкупает, хотя бы он был и совершенно неожидан для самих действователей... Здесь нельзя не упомянуть с благодарностию имени г. Полевого, который стремился к той же цели, и притом еще двумя совершенно различными путями: *бессознательно* — философско-историческими статьями, критиками и повестями;[5] и *сознательно* — превосходными пародиями на стихи некоторых диких поэтов, которые помещал он в своем «Новом живописце общества и литературы» — этом лучшем произведении всей его литературной деятельности...[6] Да, заслуги этих людей, вольные и невольные, сознательные и бессознательные, поставили, так сказать, на ноги нашу юную литературу и наш младенчествующий вкус. Это произвело важные и благодетельные следствия. Маленькое дарование теперь не попадет в гении. Посредственность и бездарность может теперь сколько ей угодно петь стихами и скрипеть прозою, не подвергаясь опасности быть замеченною со стороны публики: она теперь обращает на себя внимание только журналов, и только в тех, которые сродни ей, встречает себе похвалы. Чем труднее теперь обратить на

себя общее внимание, тем легче истинному таланту быть тотчас же замеченным. В прозе еще до сих пор и маленькое дарование может быть замечено; но стихами, которые не то чтоб худы, да и не то чтоб очень хороши, уж невозможно приобрести ни малейшей известности. Время рифмованных побрякушек прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на место того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме, с рифмами или без рифм — всё равно. Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной ему действительности; всё прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе, прежде других, открывающего общие боли и скорби и поэтическим воспроизведением исцеляющего их...

Если такой взгляд на важность поэзии и высокое значение поэта не помешал нам посвятить целую критическую статью разбору первых опытов г. Майкова,— значит, мы много видим в даровании нового поэта. Но это обстоятельство и требует от нас возможно критической строгости, которую молодой поэт должен принять только за доказательство нашего уважения к его таланту.

Стихотворения г. Майкова хоть и расположены без всякой системы, без всякого разделения, тем не менее они сами собою разделяются, в глазах читателя, на два разряда, не имеющие между собою ничего общего, кроме разве хорошего стиха, почти везде составляющего неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. К первому разряду должно отнести стихотворения в древнем духе и антологическом роде. Это перл поэзии г. Майкова, торжество таланта его, повод к надежде на будущее его развитие. Второй разряд составляют стихотворения, в которых автор думает быть современным поэтом и которых лучшая сторона — хороший стих. Но об этих после, сперва поговорим о стихотворениях первого разряда.

Читателям «Отечественных записок» должно быть известно наше понятие о сущности и важности так называемой *антологической* поэзии, и потому мы, не желая повторять себя, будем говорить только о поэзии г. Майкова; тех же из читателей, которые не знают нашего понятия об антологической поэзии, попросим заглянуть в статью о «Римских элегиях Гёте».*[1]

---

* «Отечественные записки» 1841, т. XVII, отделение «Критики», стр. 23.

Теория антологической поэзии имеет такое близкое отношение к некоторым из стихотворений г. Майкова, что мы в помянутой статье выписали, как превосходнейший образец в антологическом роде, его дивно поэтическую, роскошно художественную пьесу «Сон», не зная, кому она принадлежит и написал ли автор ее еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально в «Одесском альманахе» на 1840 год,— и мы при разборе этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римских элегиях», выписали в нашем журнале это стихотворение, скромно подписанное буквою М.* И — смотрите и судите сами — удивительно ли, что это стихотворение, без подписи знаменитого или, по крайней мере, знакомого имени, поразило нас до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвале и потом с неослабевшим энтузиазмом припомнили его через четырнадцать месяцев:[1]

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров,
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной, соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов,
И там, с улыбкой на устах своих приветных,
В венце из ярких звезд и маков темноцветных,
И с грудью белою под черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине (*стр. 9*).

Это именно одно из тех произведений искусства, которых кроткая, целомудренная, замкнутая в самой себе красота совершенно нема и незаметна для толпы и тем более красноречива, ярко блистательна для посвященных в таинства изящного творчества. Какая мягкая, нежная кисть, какой виртуозный резец, обличающие руку твердую и искушенную в художестве! Какое поэтическое содержание и какие пластические благоуханные, грациозные образы! Одного такого стихотворения вполне достаточно, чтоб признать в авторе замечательное, выходящее за черту обыкновенности, дарование. У самого

* «Отечественные записки» 1840, т. IX, отд. «Библиографической хроники», стр. 14.

Пушкина это стихотворение было бы из лучших его антологических пьес. В нем искусство является истинным искусством, где пластическая форма прозрачно дышит живою идеею.

Чтоб определить значение и достоинство антологической поэзии г. Майкова, мы должны указать на ее мотивы, найти в ней художническое profession de foi* автора. В следующих стихотворениях мы находим всё это, ясно и ярко выраженное.

Сомнение.

Пусть говорят — поэзия мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальних
Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кристальных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток,
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог:
Пусть так! Но в полдень листьев шопот
Так полон тайны; шум ручья
Так сладкозвучен; моря ропот
Глубокомыслен; солнце дня
С такой любовию приемлет
Пучина моря; лунный лик
Так сокровен,— что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты! (*стр. 120*).

Остановимся на этом стихотворении и взглянем на него прежде, чем перейдем к другим. По содержанию — это превосходная пьеса; но форма не везде соответствует своему содержанию, и из-за поэтического, полного жизни и определенности языка местами слышится несвязный лепет не повинующейся слову мысли... Стих: «Что мир ее есть мир пустой и ложный» прозаичен; «И бледный вымысл — красота»: неопределенен и бледен; выражение о Зевсе, «*низводящем из длани* поток разящей молнии», неверно и в отношении к языку, и в отношении

* исповедание веры (*франц.*).— *Ред.*

к поэзии; «Лунный лик *так сокровен*» ничего не говорит ни уму, ни фантазии читателя по причине неточности эпитета; «И ты невольно сим явленьям *даруешь жизни красоты*» — выражено слабо и неопределенно. Последние два стиха в пьесе прекрасны, но не вполне удовлетворительны по мысли: в них слишком много сделано уступки, вместо которой читатель самою пьесою настроен ожидать, что поэт определит и объяснит, почему неодушевленные явления природы производят на него впечатления живых индивидуальных существ, и в ярком образе, замыкающем стихотворение, примирит чисто поэтическое созерцание древних с нашим, на опыте и науке основанным, всё-таки поэтическим созерцанием природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходным произведением искусства: так много в ней взмаху и отважного намерения, так много высказано стихами, которые мы оставили без замечаний. Но всё это мы говорим мимоходом; главное в этом стихотворении для нас, по намерению нашей статьи, есть то, что исходный пункт поэзии г. Майкова — природа с ее живыми впечатлениями, так сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще не изведавшей другой сферы жизни.

Октава.

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У брега сонных вод, один бродя случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы (*стр. 3*).

Искусство.

Срезал себе я тростник у прибережья шумного моря.
Нем, он забытый лежал в моей хижине бедной.
Раз увидал его старец прохожий к ночлегу
В хижину к нам завернувший. (Он был непонятен,
Чуден на нашей глухой стороне). Он обрезал
Ствол и отверстий наделал, к устам приложил их,—
И оживленный тростник вдруг исполнился звуком
Чудным, каким оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефир, зарябив его воды,
Трости коснется и звуком наполнит поморье (*стр. 63*).

Этих двух стихотворений уже никак нельзя сравнить с первым; всё недосказанное или неопределенно высказанное в нем явилось в них так полно, так определенно; прекрасное содержание выразилось в них в прекрасных формах, отличающихся виртуозностию отделки. Что же до содержания — оно здесь представляет собою основное положение, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней он прежде всего начал брать уроки в искусстве слагать сладкие песни; что есть соотношение, есть родственность между звучною октавою, гармоническим гекзаметром — и шептаньем тростников, говором дубрав... Глубоко жизненное, поэтически верное начало! Поэзия принадлежит к числу таких предметов, уразумение которых должно начинаться с ощущения, а не с рефлексии: последняя должна быть результатом первого, при нормальном развитии. Симпатия к природе есть первый момент духа, начинающего развиваться. Каждый человек начинает с того, что́ непосредственно поражает его ум формою, краскою, звуком; а природа полна форм, красок и звуков. Поэт — существо, которое наиболее испытывает на себе непосредственное влияние явлений природы: он по преимуществу ее сын, ее любимец, наперсник тайн ее. Говоря об этом, нельзя не вспомнить чудных стихов Пушкина:

Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались:
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.[1]

Да, естественно, что поэт видит поэзию прежде всего в природе и что природа прежде всего пробуждает поэтические силы в юном таланте. В этом отношении пьесы г. Майкова

Октава» и «Искусство» составляют главу эстетики, — и эстетик не усомнится перенести их в свою книгу для яснейшего подтверждения доказательства своих понятий об искусстве, если только его понятия об этом предмете верны. Но природа бывает колыбелью поэзии не только для отдельных лиц: в лице древних эллинов природа была пафосом поэзии целого человечества. И в этом отношении муза г. Майкова родственна, по своему происхождению, древнеэллинской музе: подобно этой музе, она из природы почерпает свои кроткие, тихие, девственные и глубокие вдохновения; подобно ей, в движениях и чувствах еще младенчески ясной души, еще в лоне природы непосредственно ощущающего себя сердца находит она неисчерпаемое содержание для своих благоуханно гармонических и безыскусственно изящных песен. Разумеется, эта родственность могла бы остаться только в возможности, если б знакомство с древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обещающее в будущем для развития прекрасного дарования молодого поэта! Еще в той поре возраста, с которой сам Пушкин только начал писать *не*-лицейские стихотворения и в которую жизнь едва ли еще может дать содержание какому угодно таланту,[1] — г. Майков, изучением изящной древнеклассической поэзии, завоевал плодоносную почву для своих вдохновений. И зато — посмотрите, сколько эллинского и антологического в его стихотворениях: любое из них можно принять за превосходный перевод с греческого; любое из них можно перевести с русского на чужой язык как греческое, и только бы перевод был изящен и художествен, никто не будет спорить о греческом происхождении пьесы... Эллинское созерцание составляет основной элемент таланта г. Майкова: он смотрит на жизнь глазами грека и — как мы увидим ниже — иначе и не умеет еще смотреть на нее. Если взять в расчет его молодость (а ее в этом случае нельзя не брать в расчет), то мы увидим в этом начало с самого начала, а не с середины или конца, увидим нормальное художественное развитие.

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил
Погибшего сына. Его взлелеяло море,
Оно же его и приняло в широкое лоно
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный! (*стр. 48*).